

ВОЛКОВ А. А.

ПИСЬМО И ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ

Письмо является системой знаков. Из знаков письма — букв, иероглифов — строятся письменные единицы более высоких уровней, оформленные специальными графическими средствами и, стало быть, являющиеся тоже знаками: предложения, абзацы, тексты. Изучением письма занимаются палеография, дипломатика, текстология и др. науки. Этот комплекс наук обозначается термином «грамматология» [1].

Филология изучает устные и письменные произведения слова как проявления человеческой мысли, т. е. исторически [2]. Семиотика изучает знаки и знаковые образования как результаты человеческой деятельности и как саму эту деятельность, т. е. также исторически [3]. В предмете семиотики выделяются семиотика языка, изучающая знаковые образования, которые организуют произведения слова, — формальную сторону истории словесности, и общая семиотика, изучающая все другие знаковые образования. Письмо и письменность — важнейший раздел семиотики языка как части филологии. В лингвосемиотике выделяется еще семиотика устной речи, иногда называемая паралингвистикой [4], и семиотика массовой коммуникации: информатика и теория массовой информации [5].

В лингвистических работах высказаны в основном три различных взгляда на соотношение письма и звучащей речи¹.

1. Письмо представляет собой неполное, неточное отражение звучащей речи и не имеет самостоятельного значения в лингвистическом исследовании. Факты письма известны лишь в той мере, в какой они свидетельствуют об устной речи. Письмо никак не влияет на устную речь, но само изменяется или должно совершенствоваться в соответствии с нею [7, 8].

2. Письменная и устная речь выступают как манифестации идеальной системы — языка. Поэтому как в той, так и в другой значимо лишь то, что их объединяет, — общие структурные свойства. Такие свойства параллельны в письменной и устной речи [9].

3. Письмо является вторым по важности средством общения после звукового языка. Оно связано с языком как план выражения с планом содержания. Вместе с тем структура конкретного письма не полностью совпадает со структурой конкретного языка, а только на уровне принципов организации. Графема так же относится к графам, как фонема к фонем, причем фонема представляет собой план содержания графемы [10].

Перечисленные подходы вытекают из общелингвистических принципов и характеризуются следующими особенностями: 1) соотношение письма и звучащей речи обсуждается на уровне фонетики и фонологии; 2) графема, независимо от того, трактуется она как буква или как сочетание букв, понимается как основная единица письма; 3) факты письма оцениваются не в их системном соотношении, но по отдельности, и исходя не из самого письма, а из устного языка [11, с. 16—17].

Эти представления, на материале которых и создаются варианты воззрений на письмо, вызывают сомнение в своей применимости к эмпирии письменности — многочисленным системам письма, разнообразно организованным и развивающимся каждая в специфических условиях. Очевидно, предметом теории письма может стать само письмо, изучаемое на

¹ Исчерпывающий обзор теорий соотношения письма и языка сделан Т. А. Амиевой [6].

основе типологического и исторического сопоставления фактов, а не звуковой язык, каким бы ни было его значение для письма.

Рассматривая перспективы типологии письма, Т. А. Амирова указывает: «Типологии алфавитов и систем письменности предстоит обнаружить: (1) имеются ли какие-либо регулярные закономерности между строением (типологией) естественного языка и строением создаваемого для того или иного языка алфавита и системы письменности; (2) можно ли говорить применительно к виду, типу и форме используемого алфавита о большей или меньшей его прогрессивности, удобстве для развития письменного языка и сопряженного с ним естественного языка; (3) можно ли думать, что тот или иной тип алфавита способствует развитию языковой семиотики более, а другой — менее и затем на каком-то этапе начинает „сдерживать“ развитие языковой семиотики.

Таким путем формируемые в графической лингвистике знания получают связь с теорией искусства, историей культуры, семиотикой и другими смежными областями и обретают в них новое осмысление» [6, с. 71].

Итак, в свете современных требований теории типология письма включает сопоставление системных характеристик письма, а не отдельных знаков в их алфавитных значениях, и определение причинных связей в ряду «письменная словесность — письмо — звуковой язык — устная словесность».

Развитая система письма включает три уровня организации — алфавит, графику, орфографию [12].

В процессе использования заимствованного или адаптированного алфавита для создания новых текстов письмо развивается: сначала складывается система алфавита, потом графика и уже впоследствии — орфография. Над этими взаимосвязанными ярусами письма, выступающими как общеобязательные нормативы письменной речи, надстроены частные разновидности книжного, документального, эпиграфического письма, либо частные региональные или ведомственные нормы оформления текстов — разбивка на главы, абзацы, обозначения страниц и т. д. Граница между письмом и письменностью пролегает там, где общие нормативы письма отделяются от частных. В современных печатных письменных языках верхней границей письма остается орфография.

Алфавит представляет собой ансамбль знаков, который складывается в систему в четырех аспектах: начертания, лингвистической значимости, порядка расположения и названий букв.

Начертательный аспект включает каллиграфическую традицию и фактуру письменной речи — совокупность способов исполнения письменного текста определенными орудиями на определенном материале. Из фактур письма на традицию начертаний особенно заметное влияние оказывают эпиграфическая, рукописная, печатная, массовая коммуникация. Начертания знаков и шрифты развиваются в пределах фактуры письменной речи, но зависят от нее лишь частично и сами могут изменять фактуру письма. Так, развитие каролингского минускула в готическое письмо изменило способы заточки пера, разлиновки листа, которые в свою очередь повлияли на становление каллиграфических норм готического письма. Печатная фактура делает шрифт самостоятельной категорией письменного выражения, создавая многообразие шрифтов и постоянство начертаний буквы, которое не изменяется в зависимости от позиции в слове. Тем самым комбинаторика букв определяется не каллиграфическим, а орфографическим нормативом, что существенно изменяет характер системных отношений в письме.

Совокупность единиц языка, именуемых буквами алфавита, образует поле алфавитной номинации. Поле алфавитной номинации, как правило, не совмещается с фонологической системой языка, а членит ее в зависимости от того, какие буквы — имена звуков имеются в алфавите.

Расположение и названия букв играют особую роль в организации алфавита. Способы расположения букв в основном следующие: традиционный, как в русском и подобных алфавитах, мнемонический, при котором имена букв составляют осмысленную фразу, фонологический, как в деванагари,

где расположение букв моделирует фонологические отношения. При заимствовании алфавита мнемонический и фонологический способы обычно превращаются в традиционный, который осмысливается в свою очередь. а названия букв развиваются в своеобразную лексическую микросистему, обладающую даже словообразовательной продуктивностью [13]. Но этот принцип многомерности алфавита вовсе не означает, что любой алфавит будет организован во всех перечисленных аспектах. Он может применяться самым различным образом: как совокупность знаков для чисел, как система обозначений мировых стихий: тогда он используется в магических целях. Подобные способы применения могут влиять на графику и орфографию и создавать внешние правила письменной речи, но неизменными свойствами алфавита остаются именование, начертание и порядок расположения букв.

Как всякое имя, алфавитный знак отличен от других начертанием и назначением. Алфавитные знаки выделяют в континууме звуковой речи единства — звуки, слоги, слова. Совокупность выделенных алфавитом единств образует основу звуковой системы устной формы письменно-литературного языка. Типы алфавитов различаются в зависимости от способа (силлабические, звуковые) и систематичности именования звуков языка.

Алфавит поэтому представляет собою звено, связывающее два литературных языка. При этом заимствующий язык в своем фонетическом составе неизбежно толкуется в соотношении с языком-источником заимствования.

В письменно-литературном языке, для которого создан или заимствован алфавит, возникают отношения именованных звуковых единств к неименованным: избыточность, неполнота и недостаточность. Избыточность заключается в том, что один выделенный типовой звук или слог не различим относительно нескольких знаков. Таковы в старославянского, древнерусского и дореволюционного русского алфавита, буквы *k* и *q* западноевропейских алфавитов. Неполнота заключается в отсутствии именования определенной части фонетической системы: в финикийском, арабском и других алфавитах не именованы гласные, во французском носовые гласные, в русском — согласные палатального ряда. Недостаточность заключается в отсутствии имен для отдельных звуков. Французский алфавит не имеет звуки [ʃ], [ɲ], [ɛ] и др.

Соотношения избыточности, неполноты и недостаточности образуют специфику конкретного алфавита. Латинский алфавит в применении к разным языкам образовал индивидуальную для каждого форму алфавитного именования, но эти формы регулярно соответствуют между собой, что имеет далеко идущие последствия в графике и орфографии.

Материал буквенных и слоговых алфавитов дает основание для выведения следующих универсалий.

I. Число букв алфавита не ниже двадцати и не выше восьмидесяти. Крайние пределы, очевидно, задаются соответственно финикийским (22) и абазинским (72) алфавитами.

II. В алфавитах со слоговой номинацией не существует букв для отдельных согласных звуков.

III. Если в алфавите со звуковой номинацией имеются буквы, именующие гласные, то имеются буквы, именующие согласные. Это значит, что не существует алфавитов, где именовались бы только гласные.

IV. Если в алфавите именуется тон, то буквы, различающие тоны, либо параллельно именуют звук или слог, либо являются диакритиками (лаосский, тайский).

V. В алфавите каждый знак имеет только один номинант.

Следующие универсалии устанавливают связи алфавитного и текстового именования:

VI. Буква в тексте именуется единицу звукового языка не более протяженную, чем в алфавите.

VII. Если алфавит неконгруэнтен (избыточен и/или недостаточен и/или неполон), в тексте представлена переменная номинация.

VIII. Если алфавит недостаточен, в тексте представлена несобственная относительная номинация. Во французском алфавите, как уже говорилось, не именован звук [ʃ] — в графике представлено сочетание *ch*, не именован звук [ɛ] — в графике представлено сочетание *ai*.

IX. Если алфавит неполон, в графике представлена несобственная позиционная номинация. Русская буква *ь* представляет на конце слова несобственную позиционную номинацию, что связано с отсутствием специальных букв для палатального ряда согласных. В тибетском, тайском, среднеяванском письме представлены более сложные формы этого соотношения.

X. Если в алфавите со слоговой номинацией буквы различают только согласные звуки, диакритики образуют парадигму (деванагари, яванское, лаосское, тайское, тибетское и другие неосиллабические системы). Диакритические знаки неосиллабических систем письма являются буквами, в то время как диакритические знаки, развитые в адаптированных алфавитах типа чешского, не образуют системы именования, соотнесены с отдельной буквой и поэтому несамостоятельны и включены в видоизмененную номинацию.

Графика представляет собой систему именования звуков и звуковых цепей в тексте с помощью специальных приемов. Графические приемы развиваются в основном как компенсация недостаточности и неполноты алфавитной номинации. В графике буквы-имена меняют значения.

На уровне графики обнаруживаются три разряда знаков: с постоянной номинацией (русские *л, м, н, к, и, ц*, французские *b, j, k, v, w*); с переменной номинацией (русские *е, ю, я*, английские, французские, итальянские *c, g*); с видоизмененной номинацией, т. е. развившиеся из лигатур и введенные в алфавит (русские *ц, ч*, французская *ç*, чешские *č, ř*).

В переменной номинации выделяются следующие разновидности.

1) Собственная номинация: во французском слове *gâteau* буква *a*, изменяя номинацию предшествующей буквы *g*, читается сама.

2) Несобственная номинация: французские буквы *a* и *i* образуют сочетание *ai*, именуемое звук [ɛ].

3) Относительная номинация: французское сочетание *ai* читается [ɛ] независимо от позиции в слове: *aimer, baiser, j'aimai*.

4) Позиционная номинация: французские и английские конечные *-e* не читаются сами, но определяют чтение одной или нескольких предшествующих букв. Во французском и английском слове *face* буква *-e* дает основание читать букву *c* как [s], в английском слове буква *e* позволяет читать *a* как [ei].

Развитие графических процессов может распространяться за пределы связанных с ними и обуславливающих их свойств алфавита: французская несобственная относительная номинация компенсирует неполноту именования носовых гласных сочетаниями *an, at, en, et* и т. д. Несобственная позиционная номинация также не всегда компенсирует неполноту алфавита. Но в тех системах письма, где алфавит неполон, развивается позиционный тип номинации, а в тех, где он недостаточен, — относительный.

Таким образом, избыточный, неполный и недостаточный алфавит дает в графике следующие результаты: развитие дублирования номинации — *θ* и *ϕ* в русском дореволуционном алфавите, французские, английские *q, k* и т. д.; наряду с дублированием развертывается относительная собственная (франц. *ca, ce*) и несобственная (франц. *ch, gh*) номинация. Неполнота именования в алфавите приводит к унификации текстового именования (русский *ь*; румынская *i*; французские *m* и *n* после букв, именуемых гласные). Такие унифицированные буквосочетания образуют синтагматические классы, которые в процессе дальнейшего развития занимают стабильное положение в графическом слове, объединяясь позицией.

Орфография представляет собой центр системы письма. Единица орфографического уровня — графическое слово. Оно характеризуется такими свойствами, как (1) единство написания и устойчивость границ; (2) нормативность значения, определяемая словарем; (3) цельнооформленность.

Графическое слово является формой в том смысле, что регулярно объединено с другими графическими словами общими элементами — графическими морфемами. В составе графического слова буква фактически утрачивает собственное звуковое значение, которое определяется ее соседством и позицией, и приобретает функциональное значение как элемент формообразующий. Мера утраты буквой звукового значения определяется развитостью орфографии.

Графические слова по мере развития орфографии подразделяются на классы, в числе которых выделяются два важнейших: орфографически первообразные слова, сохраняющие состав алфавитной и текстовой номинации², и орфографически производные слова, в составе которых буква утрачивает первоначальное фонетическое значение и приобретает функциональное. К первому разряду относятся русские *дом*, *стол*, *домик*, *столтик*. Ко второму разряду — русские *объединение*, *подсказчик* и т. д.

Сами по себе орфографические процессы также обнаруживают два уровня: 1) отношения связи в буквосочетаниях и 2) членимость графического слова, которая проявляется во всех орфографически развитых системах письма независимо от того, членится ли морфологически слово в языке.

Отношения связи в буквосочетаниях или форма буквосочетания является на основе отношений номинации и дистрибуции букв в тексте. В буквосочетании выделяются два типа: «номинант — буква или группа букв, претерпевающих изменение номинации», и «оператор — буква, определяющая изменение номинации или функции номинанта». Оператором может быть и позиция в графическом слове или буква в позиции. Так, в русском слове *яблоко* оператором является начальная позиция буквы *я*, а во французском слове *grand* — конечная позиция *d*, в [форме] *grande* буква — *e* в позиции конца слова (позиционный оператор).

По типовой форме буквосочетаний выделяются буквенные синтагмы. Встречаются следующие их виды.

Свободная буквенная синтагма — основная и самая простая форма. Образуется буквами, именующими согласные и гласные звуки при звуковом письме или основой слога и огласовку — при неосиллабическом письме. Свободная синтагма проявляет себя с формальной стороны образованием крупных комбинаторных (так называемых полярных) классов букв. Свободная буквенная синтагма является моделью простого открытого слога. Со стороны номинации свободная синтагма проявляет себя в том, что в составе парадигм, ее составляющих (т. е. букв согласной и гласной номинации), представлены все алфавитные номинации.

Свободная синтагма представляет собою как бы образец, по которому разворачивается архитектура системы письма: каждая из парадигм, образующих свободную синтагму, выделяет дробные классы — связанные синтагмы.

По типам связанные синтагмы бывают: а) односторонними/двусторонними; б) регрессивными (против хода чтения)/прогрессивными (по ходу чтения); в) контактными/дистантными; г) обрамляющими (два оператора слева и справа определяют чтение номинанта, как в среднеяванском письме); д) простые (один оператор меняет чтение одного номинанта: ср. русск. *мать*) и сложные, когда либо один оператор включен одновременно в две связи (как *ь* в русском слове *семья* или *-e* в английском *face*), либо оператор изменяет номинацию буквосочетания (как во французском слове *grain*, где *n* определяет носовое чтение *ai* → [ɛ]).

Буквенные синтагмы образуют парадигматические классы, которые могут быть позиционными и относительными.

² Удобство и легкость орфографии, очевидно, зависят в первую очередь от того, насколько состав графически первообразных слов совпадает с составом ключевых слов языка и как графически первообразные слова распределяются по частоте.

Относительные парадигмы (типа французских *a, e, i, o, u*, с одной стороны, и *b, c, d, f, g, h, j, k* . . . — с другой) складывают отношения номинации и организуют графическое слово как совокупность связей в буквосочетаниях.

Позиционные парадигмы развиваются в позициях, значимых морфологически и этимологически (конец графического слова, конец и начало графического корня или основы). Так, в тибетском графическом слове основу представляет так называемая корневая буква. К корневой букве приписывается слева префиксальная буква, сверху и снизу — огласовки и надписные и подписные буквы, а справа — приписные и вторичные, или «суффиксы» [14].

Организация графического слова в буквенном и неосиллабическом письме позволяет вывести следующие универсалии:

XI. Число реально встречающихся в тексте сочетаний букв меньше числа возможных.

XII. Число сочетаний букв, включающих синтагматические отношения, меньше общего числа сочетаний в тексте.

XIII. Если представлена связанная синтагма, то представлена и свободная синтагма.

XIV. Если представлена прогрессивная синтагма, то представлена и регрессивная синтагма.

XV. Если представлена неконтактная синтагма, то представлена и контактная синтагма.

XVI. Если представлена двусторонняя синтагма, то представлена и односторонняя синтагма.

XVII. Если представлена рамочная синтагма, то представлены прогрессивная и регрессивная синтагмы (ср. в тибетском, среднеяванском языках).

XVIII. Если представлена сложная односторонняя синтагма, то представлена и простая односторонняя синтагма (ср. франц. *in* → *ain*).

XIX. Если представлена позиционная синтагма, то представлена и относительная синтагма (как исключение может рассматриваться тибетское письмо, но и в нем свободная синтагма — корневые буквы с огласовками — остается, видимо, относительной).

XX. Если представлена сложная двусторонняя синтагма, то представлена и простая двусторонняя синтагма (франц. *ai* → *eai*).

XXI. Если представлена позиционная парадигма начала слова, то представлена и позиционная парадигма конца слова.

XXII. Если представлена позиционная парадигма конца графической морфемы или основы, то представлена позиционная парадигма конца слова.

XXIII. Если в графическом слове представлена позиционная парадигма начала графической морфемы, то представлена и позиционная парадигма конца графической морфемы или основы (ср. в русском, французском, тибетском, тайском, немецком и др. языках).

Приведенные универсалии указывают на некоторые закономерности развития системы письма.

Форма графического слова складывается в процессе развития системы письма независимо от формы слова в звуковом языке, примером чего служат тибетское, тайское, английское, французское письмо. В отдельно взятой системе письма расхождения членения графического и звукового слова могут казаться случайностью или следствием «несовершенства» орфографии, но в типологическом контексте эта случайность принимает вид закономерности.

Наличие сложных отношений в системе письма определяется соответствующими им по типу простыми отношениями. В развертывании буквенных парадигм проявляет себя историческое развитие графического слова от регрессивных отношений, первоначально захватывающих его конец, к началу. Когда слово внутренне расчленяется и регрессивные отношения в основном исчерпываются, наступает очередь развития прогрессивных отношений; когда же контактные синтагмы исчерпывают свои возможно-

сти, развиваются дистантные. В целом наблюдающаяся в системах письма тенденция к номинативному и синтагматическому заполнению сочетаний букв приводит к уменьшению удельного веса свободной синтагмы и, следовательно, к уменьшению числа графически простых слов: в английском и тибетском письме их, видимо, меньше, чем в русском. Тенденции к сокращению удельного веса свободной синтагмы, однако, противостоят включение в письменный язык иностранных слов на основе транскрипции или транслитерации, но сочетаемость букв в таких словах может нарушать исконные правила буквенной комбинаторики (русск. *Йошкар-Ола*). В результате образуются новые буквосочетания, новая номинация и даже новая синтагматика, что и приводит к этимологическому принципу письма, проявляющемуся в дифференциации словаря по языковым стилям.

Становление структуры графического слова представляет собою, следовательно, двунаправленный процесс. Отношения, первоначально свойственные графике, разворачиваются от именования звуков к выделению специфических позиций, членищих графическое слово морфологически (XX). При этом, как видно из универсалий XXI—XXIII, приемы, формирующиеся в графике, повторяются в орфографии, но на более высоком уровне целых буквенных комплексов — графических морфем или основ слов. Поэтому универсалии XXI—XXIII параллельны универсалиям XIV—XVIII.

В противоположном направлении — слева направо — развивается этимологическая и семантическая дифференциация, затрагивающая в основном начальные позиции графического слова. Это почти всеобщее правило, независимое от системы языка, которое можно иллюстрировать примерами французской и дореволюционной русской орфографии. В словах типа *phrénologie, phrénologie, phrénologique, rhétorique, rhétoricien, théologie* и т. д. позиционную парадигму конца основы образуют буквы: *q, c, g*, парадигму начала графического окончания: *u, e, i*. Функция синтагм *gi, ge, qu, ci* здесь — сохранение графического облика основы. Позиция начала графического слова занята относительной односторонней синтагмой *rh, th, ph* и т. д., указывающей на греческую этимологию. В русской дореволюционной орфографии этимологический принцип также распространялся на начало слова: *миръ, мѣсяцъ, хлѣвъ, плѣшь*, а графическое окончание оставалось нагруженным морфологически (ъ, ъ).

В орфографии, не обремененной насилием нормализатора, который стремится большими средствами реализовать лингвистическую доктрину, фонетический, морфологический и историко-этимологический аспекты взаимосвязаны и не противоречат друг другу [15].

Система письма — буквенная или слоговая — складывается как результат действия трех факторов: письменной традиции, которая характерна для ареала письма в целом, специфики языковой системы, состояния письменной словесности.

1. Влияние письменной традиции, или ареальная соотнесенность письменности [16], проявляет себя в первую очередь в составе алфавита и в способах обозначения буквами звуков или слогов устного языка — в концепции алфавита.

2. Специфика системы языка, заключающаяся главным образом в соотношении таких единиц, как слог, морфема и слово [17], влияет на грамматическое оформление графических слов.

3. Состав письменности или письменная словесность определяет стилистическое членение вокабуляра, проявляющееся в создании сочетаний букв на основе этимологизирования слов и соотносит письмо со словарной традицией. Кроме того, вся семиотика письма в виде пунктуации, членения текста, системы прифтов, знаковых систем, различающих графические слова, также производна от состояния письменности.

Таким образом, функциональное соотношение фонетического, морфологического и историко-этимологического принципов письма принимает следующий вид.

	Сближение графических слов, выделение формы слова на письме	Различение графических слов, их индивидуализация и соотношение со стилем	Композиция графического слова и именованье единиц звучащей речи
Фонетический	—	+	+
Морфологический	+	—	+
Этимологический	+	+	—

ЛИТЕРАТУРА

1. Gelb I. J. A study of writing (The foundation of grammatology). London, 1952.
2. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1962, с. 7.
3. Волков А. Г., Хабаров И. А. Семиотика и общество.— В кн.: Семиотика средств массовой коммуникации. Материалы научного семинара. Ч. I. М., 1973, с. 29—30.
4. Trager G. L. Paralanguage: A first approximation.— In: Studies in linguistics, 1958, № 13.
5. Рождественский Ю. В. Об одном из приемов семиотического анализа текстов массовой информации.— В кн.: Предмет семиотики. М., 1975, с. 121.
6. Амирова Т. А. К истории и теории графемики. М., 1977.
7. Реформатский А. А. Лингвистика и полиграфия.— В кн.: Письменность и герольдия. М.— Л., 1934, с. 44, 46—48.
8. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1964, с. 279—280.
9. Уфимцева А. А. Знаковая природа языка.— В кн.: Общее языкознание. Т. I. М. 1970, с. 111—112.
10. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975, с. 306.
11. Jakobson R., Halle M. Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956.
12. Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку.— В кн.: Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963, с. 221.
13. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. М., 1980, с. 57—60.
14. Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык. М., 1980, с. 21—35.
15. Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885, с. 20—21.
16. Волков А. А. Русский ареал письменности в системе массовых коммуникаций.— В кн.: Предмет семиотики, с. 356—373.
17. Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969, с. 259—279.